

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ КНИГ

РАЗБОЙНИК ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ
И САНОВНИК ИЗ МИНИСТЕРСТВА

«Дело» — моя месть. Месть есть такое же священное чувство, как любовь. Я отомстил своим врагам! — в 1895 году говорил А. В. Сухово-Кобылин о своей любимой и самой автобиографической пьесе театральному критику Юрию Беляеву. Не зря же в лейпцигской редакции «Дело»* прямо названо — «Кобылинское дело».

Сегодня можно поименно назвать врагов драматурга — реальных прототипов его трагической сатиры.

Обер-прокурор Правительствующего Сената Кастор Никифорович Лебедев. В дневнике обер-прокурора, много знавшего, а возможно, и причастного к расследованию дела об убийстве гражданской жены писателя Луизы Симон-Деманш, приоткрыты тайны министерского двора, мотивы оголтелой ненависти петербургских сановников к Сухово-Кобылину. Высокомерные столпы отечественной юстиции, как выясняется, не могли ему простить поспание священных семейных устоев, моральное фрондерство.

Черты Кастора Никифоровича угадываются в коллежском советнике (ровня полковнику!) Кандиде Касторовиче Тарелкине. Финансовые плачи героя пьесы прочтываются едва ли не как вольные цитаты из лебедевского дневника, хотя в 50—60-е годы Сухово-Кобылин не мог, конечно, знать этот дневник, тайник загадочной обер-прокурорской души, где причудливо скрещиваются смирение и зависть, холопство и бунтарство, гимны и сатиры николаевскому режиму. Но он гениально угадал социальную и психологическую драму чиновника, оставленного у самого порога власти и богатства.

В лейпцигском издании «Дела» дважды упомянут «ятинька» Тарелкина — Кастор Никифорович, то есть прямо наз-

* Сухово-Кобылин напечатал в 1861 году за свой счет в Лейпциге 25 экземпляров пьесы. — «для частного пользования». Это издание до сих пор считалось утерянным. Но в отделе книжных фондов Государственного Литературного музея сохранился экземпляр, подаренный автором М. Н. Сухово-Кобылиной: «Моей дорогой матери — с моими слезами и моими поделунами. Лейпциг. 1 мая 1861. А. Сухово-Кобылин» (надпись на французском языке на шмуцтитуле книги).

ваны имя и отчество обер-прокурора Лебедева.

Министр юстиции граф Виктор Никитич Панин. Анекдотически известный как самодур и фанатик; несколько лет, вопреки очевидным фактам, с маниакальной неустойчивостью добивался обвинительного приговора для Сухово-Кобылина.

Его узнаем в Важном лице — персонаже без имени и фамилии. «По рождению Князь; по службе тайный советник», — читаем о нем в «Данностях» к пьесе. Примет мало, но достаточно: панинский чин сохранен, а графский титул заменен княжеским.

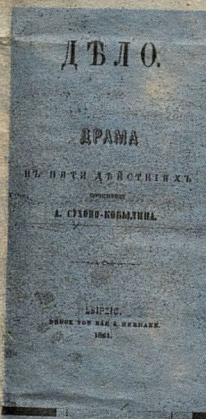
Когда в 1853 году Сухово-Кобылин в письме к верховному жрецу имперской юстиции, потребовал извинений, дерзко напомнил ему, каким должно быть истинному правосудию, В. Н. Панин в отместку повелел «подвергнуть сие дело строгому преследованию по всем обстоятельствам одного...». Так и в пьесе. Вздвигнутый отчаянно-обличительной отповедью капитана Муромского, Важное лицо додумывается: «...Все Дело обратить (с решительностью!) к преследованию (машет рукою) и к строжайшему... строжайшему...».

Император Николай I. Кроме того общего счета, который был у всей передовой интеллигенции к николаевскому деспотизму, Сухово-Кобылин мог предъяснить их императорскому величеству и свой личный счет: царь санкционировал вздорное предложение своего любимого министра о преследовании дела об убийстве Симон-Деманш. Строгий император зашифрован в пьесе как Весьма важное лицо: «Здесь всё, и сам автор безмолвствует». Саркастически-почтительная фраза допускает только одно возможное толкование: перед кем же еще, кроме самого самодержца, все немеет в его царстве.

Ну, а с кого же списан действительный статский советник (в переводе на военный язык — генерал-майор или контр-адмирал) Максим Кузьмич Варравин — главный министерский воротила?

Его фамилия ассоциируется с Варравой — разбойником из Евангелия. Тем самым, него народ помиловал, а Христа обрек на мученическую казнь. Нынче же

Титульный
лист
лейпцигского
издания «Дела»
А. Сухово-
Кобылина
1861 года.

разбойник и есть судия, а судия — разбойник! Но кроме древнеисторического предшественника у Максима Кузьмича был и современный прототип — директор департамента юстиции и первый панинский холуй МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ТОПИЛЬСКИЙ.

Это ему, Топильскому, доверил министр вести дело об убийстве Симон-Деманш после провалившегося преследования. Это он, Топильский, исполняя злую волю злого хозяина, так исхитрился, лишь бы оставить Сухово-Кобылина хотя бы в подозрении в убийстве его гражданской жены.

И не он ли, Топильский, вымогал у Сухово-Кобылина куш в 50 тысяч рублей? И не о нем ли много лет спустя писатель рассказывал А. М. Рембеллинскому, актеру-любителю, соседу по Черному уезду Тульской губернии? Трагикомическая история с билетом опекунского совета на 5 тысяч рублей, ловлю проглоченным сановным вымогателем, когда Сухово-Кобылин уличил его в нечистой игре, видимо, и подсказала автору «Дела» идею иезуитской ловушки, в которую заманил Муромского.

Должность Максима Кузьмича и его роль в министерстве: «Правитель дел и рабочее колесо...» явно позаимствованы у Михаила Ивановича. Коллежский советник Топильский в 1843—1847 годах был правителем канцелярии министерства юстиции. Чернобробимым холопом Панина окрестил его памфлетист князь П. В. Долгоруков.

Как и Варравин, Топильский, пресмыкаясь и угождая, полз и дополз с низких ступенек чиновничьей пирамиды до ее сияющих вершин. Панин сразу приметил его холуйское рвение да и отметил: чинами, орденами, арестами. По свидетельству К. П. Пободоносца, министр создал «себе домашнее управление, комиссионера, лакея: награждая его за личные услуги как за государственные... Нет, кажется, той услуги, которую не принял бы на себя этот человек при особе гр.

Панина: на ней сосредоточены все его интересы; он знает и обделывает все домашние дела его, ездит за покупками для него, для жены и детей, для слуг его, смотрит за отделкою дома, за порядком в комнатах...».

Читатели безошибочно узнали Топильского и в политических очерках А. С. Суворина «Всякие» (1866), сожженных по приговору Петербургской судебной палаты в 1867 году: «У Михаила Ивановича чин не мизерный, у него хороший чин, и потому он наслаждается благосостоянием. Самая выдающаяся черта в характере Михаила Ивановича — послушание».

Восхищенные современники воспевали преуспевающего Михаила Ивановича не только прозой. Стихотворение поэта-«искровца» Петра Вейнберга «Гибкий человек (Посв. Михайле Ивановичу)», опубликованное (без подписи) в «Колоколе» 1 августа 1860 года, — конечно же, о нем, о нашем герое Топильском:

Я составил себе положение —
Без связей, без протекций, один.
У меня славный дом и имя,
Ордена и почетнейший чин.
Оттого, что сгибаться почтительно
Было делом святым для меня;
Говорят: шею гнуть унижительно!
Это все пустяки, болтовня...
У меня был заступник сительный,
Оттого он и силу мне дал,
Что чиновник я смиренный, искательный,
И ему как никто угождал.

Таков был путь наверх и литературного двойника Михаила Ивановича — Максима Кузьмича Варравина. Варравинская благодарственная исповедь сановника-лакея о своем тиране-учителе Креке, очевидно, перекидывается с сердечно-холуйскими излияниями «Гибкого человека»: «Состояние?! — А что, вы как думаете, — оно мне даром пришло — а? Потом да кровью пришло оно мне! Голого взял меня Антон Трофимович Крек да и мля... и долго мля, пусто ему будь. Испил я из рук его чашу горечи; все терпел, ничем не брезгал; в чулане жил, трубки набивал, бегал и в лавочку — да!».

Обыгрывая трагикомические черты характера и факты биографии Топильского, ставшего, как и его шеф Панин, живым сборником анекдотов, Сухово-Кобылин рисует графически-зловещий портрет вчерашнего бедняка и сегодняшнего извращеннейшего сановного грабителя и убийцы.

Виктор СЕЛЕЗНЕВ

САРАТОВ